

**МОРРИС И. СОБИРАТЕЛИ, ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ И ИСКОПАЕМОЕ
ТОПЛИВО. КАК ИЗМЕНЯЮТСЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ.
М.: ИЗД-ВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА, 2017. 488 с. ISBN 978-5-93255-469-2**

АНДРЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ВАГАНОВ

*Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН
Россия, 125315, Москва, ул. Балтийская, д. 14
E-mail: andrewvag@gmail.com*

DOI: 10.31857/S020596060003901-3

Иэн Моррис – профессор истории Античности и сотрудник Стэнфордского археологического центра при Стэнфордском университете. Он руководил раскопками в Италии и Греции и издал тринадцать книг, включая мировой экономический бестселлер «Почему властвует Запад... по крайней мере, пока еще»¹. «Размах затрагиваемых в ней тем и эрудиция автора поражают воображение, – так отзываясь об этой книге Стивен Мэсидо, автор предисловия к рецензируемой книге Морриса. Кроме того, она написана прекрасным языком. Она уводит нас на 15 тыс. лет назад в прошлое в попытках ответить на вопрос, почему западные и восточные общества развивались разными путями, то вырываясь вперед, то отставая друг от друга. И в завершение автор предлагал задуматься над тем, что может нести нам буду-

щее с учетом многочисленных угроз, встающих перед человечеством – “климатических изменений, нехватки продовольствия, недееспособности государств, миграций и болезней” – и являющихся непреднамеренным побочным продуктом грандиозных экономических и социальных процессов, изменивших жизнь огромного числа людей к лучшему» (с. 11).

Все эти превосходные эпитеты с полным правом можно и нужно отнести и к следующей книге Морриса – «Собиратели, земледельцы и ископаемое топливо. Как изменяются человеческие ценности» (английское издание вышло в 2015 г.)². В ней автор предпринимает амбициозную попытку – «изложить общую теорию культурной эволюции человеческих ценностей на протяжении последних двадцати тысяч лет».

¹ Morris I., *Why the West Rules – for Now: The Patterns of History, and What They Reveal About the Future*. New-York: Farrar, Straus and Giroux, 2010.

² Morris I., *Foragers, Farmers, and Fossil Fuels. How Human Values Evolve*. Princeton: Princeton University Press, 2015.

Не будем долго интриговать читателя и приведем «уравнение культуры», которое доказывает Моррис.

«Самыми крупными изменениями в условиях существования человечества после окончания ледникового периода являлись переходы к радикально новым способам извлечения энергии, обычно называемые аграрной и промышленной революциями, и именно поэтому три главные системы ценностей в истории человечества в целом соответствуют трем главным способам извлечения энергии. В 1940-х гг. антрополог Лесли Уайт предположил, что вся история, по сути, может быть сведена к простому уравнению $C = E \times T$, где C – культура, E – энергия, а T – техника. «Культура, – заключал он, – развивается тогда, когда возрастает извлекаемое человеком количество энергии, приходящееся в год на душу населения, когда повышается эффективность технических средств, позволяющих использовать эту энергию или когда одновременно увеличиваются оба эти фактора». В последнее время взгляды Уайта утратили популярность, но я постараюсь показать, что они были в основном верны. Двигателем культурной эволюции на протяжении последних двадцати тысяч лет служило нарастание объемов извлекаемой людьми энергии, и одной из сторон этого процесса являлась и эволюция человеческих ценностей» (с. 46). И, наконец, главный тезис, который отстаивает в своей книге Моррис: «По большей части именно методы извлечения энергии диктуют, какие демографические режимы и организационные формы являются оптимальными, а те, в свою очередь, определяют, какие ценно-

сти будут процветать в этих условиях» (с. 47).

Конечно, очень многие исследователи, эксперты могут не согласиться (и не соглашались; отсюда – целый «хвост» из пяти заключительных глав, с 6-й по 10-ю, в которых представлены развернутые комментарии научных оппонентов Морриса и его ответ на эти замечания) с таким откровенно функционалистским подходом к столь тонким и неощутимым, казалось бы, понятиям, как культура и человеческие ценности. Предвидя этот упрек, автор довольно много места в книге посвящает обоснованию методологии своего подхода к изучению этих понятий. Идея простая: исторические и естественно-научные исследования – это два принципиально разных вида деятельности. «Историки пытаются понять предмет своих исследований (то есть разобраться в субъективных побуждениях исторических деятелей), в то время как представители естественных наук стараются объяснить изучаемое явление (то есть выявить его причины)» (с. 32). Таким образом, Моррис в данном исследовании выступает как естествоиспытатель.

Опираясь на данные археологии, антропологии, биологии и истории, он предлагает объяснение эволюции человеческих ценностей, утверждая, что за принципиальными долгосрочными изменениями ценностей стоит наиболее фундаментальный из всех факторов – энергия.

Люди придумали и освоили три главных способа получать необходимую им энергию: собирательство, земледелие и использование ископаемого топлива. В крохотных отрядах собирателей лучше всего живется тем, кто ценит равенство, но готов решать кон-

фликты путем насилия. В крупных земледельческих обществах в наиболее выгодном положении оказываются те, кто ценит иерархию и в меньшей степени склонен прибегать к насилию. Наконец, в гигантских обществах потребителей ископаемого топлива маятник снова качнулся в сторону равенства, но в то же время еще больше удалился от насилия.

«Моя аргументация основывается на откровенном материализме [...] Моя аргументация балансирует на грани универсализма [...] Кроме того, я виновен в функционализме [...] Наконец, моя аргументация носит неприкрыто эволюционистский характер» (с. 40, 41), — выкладывает все свои карты на стол возможной полемики Моррис. А в доказательство своей позиции приводит богатейший фактический материал по каждому выделенному им историческому типу существовавших обществ — собиратели, земледельцы, потребители ископаемого топлива.

«До тех пор пока сельское хозяйство обеспечивает не менее четверти национального богатства, ценности остаются весьма традиционными, но как только доля неаграрных секторов превышает 75 %, происходит быстрый переход ценностей к светски-рациональным нормам (сопровождающийся, однако, колоссальными вариациями). Как мы увидим, эта картина четко подтверждается историческими фактами», — пишет Моррис (с. 56). И тут же делает очень важное заключение, многое объясняющее в том числе в современной геополитике и геоэкономике: «Чем менее развита экономика данной страны, тем выше вероятность того, что ее население придерживается традиционных ценно-

стей, но по мере того, как возрастает значимость промышленности и услуг, население, как правило, начинает отдавать предпочтение светски-рациональным ценностям и самовыражению (хотя в рамках этого процесса наблюдаются громадные различия)» (с. 57).

В общем, «собиратели» и «земледельцы» исторически обречены. Пятьсот лет назад образ жизни «собирателя» вело существенно меньше одного человека из десяти, сегодня собиратели составляют менее 1 % мирового населения. «К 2012 г. на Земле осталось только семь стран (из 223), в которых более половины национального богатства было создано в сельскохозяйственном секторе. Напротив, во всей истории человечества начиная с неолитической аграрной революции и заканчивая примерно 1500 г. н. э. мы, вероятно, встретим не более семи случаев, когда сельское хозяйство создавало бы менее половины национального дохода» (с. 61).

И все-таки, — задается вопросом Моррис, — почему «люди предпочли обменять собирательство с его независимостью и массой свободного времени на земледелие с его угнетением и изнурительным трудом — сделав выбор, который биолог и географ Джаред Даймонд однажды назвал самой большой ошибкой в истории человеческой расы» (с. 258)? Ответ, опять же в духе исповедуемого материализма, Моррис находит в причинах естественных: «Одной из основных причин, по которым люди начали заниматься земледелием, было грандиозное экзогенное потрясение в виде климатических изменений, — пишет он. — Траектория движения Земли вокруг Солнца постоянно изменя-

ется, и после 14 000 г. до н. э., по мере того как небольшие колебания земной орбиты влекли за собой незапные потепления и похолодания, температура начала расти, хотя и непоследовательно. К 12 700 г. до н. э. температура на Земле приблизилась к современному уровню; согласно некоторым вычислениям, столбик ртути поднялся на 5 °F (2,7 °C) всего за 30 лет в пределах одного поколения. Таяние ледников привело к тому, что под воду опустились обширные низины, включая те, которые были на месте современных Персидского залива и Черного моря» (с. 259).

Впрочем, Моррис открыт к полемике. Он постоянно на протяжении всего своего исследования подчеркивает: «По сути, эта книга – всего лишь эссе: выдвигающее предположения, но не демонстрирующая корреляций» (с. 61). Думается, Моррис скромничает или слегка лукавит: фактически он заставляет читателей самих открывать корреляции, о которых автор давно уже знает: «Типичный обеспеченный собиратель в канун зарождения сельского хозяйства (то есть около 10 000 г. до н. э. в “Плодородном полумесяце”, около 8000 г. до н. э. в Восточной и Южной Азии и около 7000 г. до н. э. в Мексике и Перу) извлекал порядка 5 тыс. килокалорий (ккал/день), примерно половина из которых содержалась в пище, а остальное приходилось на долю топлива, одежды, крова, производства, транспорта и других сфер деятельности. Приблизительно две тысячи лет спустя, когда появились хортикультурные поселения (это произошло около 8000 г. до н. э. в “Плодородном полумесяце”, около 6000 г. до н. э. в Восточной и Южной Азии и около 5000 г. до н. э. в Мексике и Перу), уровень извлечения энергии повысился

примерно до 6 тыс. ккал/день. На протяжении следующих трех тысячелетий, по мере того как первые земледельцы учились все более и более эффективно использовать окультуренные и одомашненные ресурсы (примерно к 5000 г. до н. э. в “Плодородном полумесяце”, к 3500–3000 гг. до н. э. в Восточной и Южной Азии и к 2000 г. до н. э. в Мексике и Перу) извлечение энергии достигло примерно 8 тыс. ккал/день» (с. 108–109).

И главный вывод, ради которого автор и анализирует весь этот гигантский объем фактического материала, звучит так: «Ценности земледельцев очень сильно отличаются от ценностей собирателей, потому что земледельцы и собиратели живут в разных мирах. Извлечение энергии из одомашненных источников накладывает иные сдержки и создает иные возможности по сравнению с извлечением энергии из дикой природы. Земледельцы могли выжить лишь в иерархическом, более-менее умиротворенном мире, и потому они стали ценить иерархию и мир [...] У земледельцев, как и у собирателей, развитие ценностей в итоге привело их к соответствию с реалиями материального мира» (с. 177).

В свою очередь результаты перехода от собирательства и земледелия к извлечению ископаемого топлива были потрясающие: «Благодаря эксплуатации источников энергии по всем берегам Атлантики жители Северо-Западной Европы в XVII в. сумели повысить извлечение энергии на 10 %» (с. 279), – замечает Моррис.

К 1914 г. большинство людей на Земле принадлежало к экономике, основанной на потреблении ископаемого топлива и привязанной к глобальным

рынкам. Как отмечает Моррис, «европейские страны и потомки основателей их заморских колоний, воспользовавшись тем, что они первыми освоили энергию ископаемого топлива, контролировали 84 % всей суши планеты и 100 % ее океанов. До сего дня промышленная революция представляет собой крупнейший разрыв непрерывности в истории человечества» (с. 181).

Кстати, исходя из теории Морриса, можно трактовать нынешнюю войну с мировым терроризмом как войну «потребителей ископаемого топлива» с «земледельцами», а кое-где еще и с «собирающими». То есть это война обществ с разными системами моральных и этических ценностей. Это буквально война разных цивилизаций. Рассуждать в этой ситуации о каких-то «демократических, либеральных ценностях» просто бессмысленно.

«Либерализм и демократия распространились по всему миру потому, что его охватила промышленная революция, — подчеркивает Моррис, — а так как именно либеральные, индивидуалистические ценности лучше всего подходят для “Индустрии”, то люди по всему миру и освоили их в той или иной степени. Неспособность Японии осуществить адекватную либерализацию своих политических институтов в значительной степени связана с экономической стагнацией, начавшейся там в 1990-е гг., общая неспособность восточно-азиатских стран либерализовать свои финансовые институты связана с финансовым крахом 1997–1998 гг., а то, насколько Китаю в 2010-е гг. удастся сохранить прежние темпы экономического роста, вероятно, будет зависеть, насколько успешно он проведет либерализацию. Вполне может быть,

что больший либерализм индийского общества станет в ближайшие десятилетия важнейшим преимуществом этой страны перед Китаем» (с. 287).

Любая естественно-научная теория может быть признана истинной только в том случае, если она обладает адекватным прогностическим потенциалом. Проще говоря, если она может с достаточной, заранее оговоренной степенью точности предсказывать эффекты, относящиеся к сфере действия этой теории. Не исключение и концепция, которую развивает в своей работе автор. Он даже вводит специальный разработанный им индекс социального развития, чтобы иметь возможность формализовать «до цифры» свои выводы.

Но в его случае есть одна сложность: проверить эту концепцию можно только на достаточно большом временном интервале. И все же, любопытно, как выглядит будущее «потребителей ископаемого топлива» по Моррису...

«Переход от рисунков в пещере Ласко к вам, читающим эту книгу, потребовал, чтобы индекс социального развития поднялся от 5 пунктов на моей шкале до 900 с лишним пунктов, но с 2015 по 2103 г. этот индекс вырастет еще на 4000 пунктов — в четыре с лишним раза больше, чем он вырос со времен ледникового периода. И эта мысль выносит мозг в буквальном смысле слова.

Такое социальное развитие будет означать, что извлечение энергии подскочит с 230 тыс. ккал на человека в день до миллиона с лишним [...] На протяжении следующих ста лет природа человека и его ценности изменятся сильнее, чем за предыдущие сто тысяч лет» (с. 289–290).